

А.С. Алешин

**ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРЫ
В ПАРЕМИЯХ О ЛЮБВИ**
(на материале шведского, немецкого, английского
и русского языков)

Паремиологические единицы аккумулируют в себе народную мудрость, фиксируют традиционную картину мира народа и осуществляют, по выражению В.Н. Телия, «межпоколенную трансляцию культуры». Проблемы изучения национальных пословичных картин мира, отражения в них общечеловеческих представлений и некоторых специфических черт менталитета народа-носителя языка входят в круг основных вопросов современной лингвистики. Пословицы хранят знание о мире и человеке в этом мире, являются, как пишет А. Дандис, наряду с другими формами культуры «автобиографией народа», «зеркалом культуры»¹. Пословичная картина мира, реконструируемая лингвистом, складывается из множества пословичных единиц, она представляет собой отдельный фрагмент, часть языковой картины мира².

Концепт «ЛЮБОВЬ» был выбран для исследования потому, что, с одной стороны, является универсальным концептом для носителей различных языков, с другой — отражает особенности мировосприятия носителей конкретных языков, позволяет сделать некоторые выводы о традиционном менталитете представителей различных лингвокультур.

Материалом для исследования послужили 70 шведских, 50 немецких, 114 английских и 128 русских паремий, вербализующих концепт «любовь», извлеченные из сборников шведских, немецких, русских и английских пословиц и поговорок.

Ф. Стрём пишет, что шведские (и вообще скандинавские) пословицы по сравнению с пословицами других народов Европы отмечены «некоторой внутренней тяжестью, смягченной юмором», что сильно отличает их от славянских и романских и в меньшей степени от немецких и нидерландских³. С данным замечанием в целом можно согласиться. Так, иронические паремии шведского языка: *Kärleken är beständig, den bara växlar föremål* (Любовь неизменна, она только меняет объекты); *Kärleken är blind, äktenskapet är skarpsynt* (Любовь слепая, но у брака очень острое зрение); *Kärleken är blind när den kommer men alltför skarpsynt när den går* (Лю-

бовь слепа, когда она приходит, но очень хорошо видит, когда уходит) — подтверждают высказываемое исследователем мнение об ироничности в целом пословичного фонда шведского языка по сравнению с другими европейскими языками.

На основе проведенного сопоставительного анализа пословичного фрагмента языковой картины мира, организованного вокруг концепта «ЛЮБОВЬ», в шведском, немецком, английском и русском языках можно выделить универсальные установки культуры, присутствующие во всех четырех языках, национальные, вербализованные только в поговорках одного (реже двух языков) и специфическую расстановку акцентов в языковой картине мира того или иного народа-носителя соответствующего языка, что проявляется в конкретных идеях, реализующих определенную установку культуры, или в используемых образах, или в присущих данному языковому сознанию метафорах и оппозициях.

Установки культуры, вербализованные во всех четырех рассмотренных языках, следующие:

1. Невозможность внешнего воздействия на возникновение чувства, иррациональность любви.
2. Сила и длительность чувства.
3. Объект любви может быть любым.
4. Воздействие любви на людей.

Все остальные установки находят вербальное воплощение в одном или двух-трех языках: например, мысль о том, что не нужно рассказывать о своей любви, присутствует в шведском и русском языках; соотношение силы и длительности любви отмечается в шведском и английском, как и то, что любовь должна иметь проявление в действенном внимании к своему объекту; идея о том, что в любви могут быть только двое, вербализована в шведском, немецком и русском, а то, что любовь — чувство неизбежное, — в русском и немецком (но при этом в русском подчеркивается предопределенность судьбы, а в немецком — естественность возникновения чувства).

Такие установки, как продолжительность любви, прямо противоположны в шведском и русском языках в том, что касается женщин: женская любовь характеризуется как длительная (на всю жизнь) в шведском и кратковременная — в русском. Соотношение любви и страха прямо противоположно в русских и английских поговорках.

Некоторые установки двойственны во всех (или нескольких) проанализированных языках. Например, установка о длительности любви двойственна

во всех языках, установка о воздействии любви на человека, как и оценка самого чувства, двойственна в русском и шведском языках.

Ряд установок включает дополнительные конкретные национально обусловленные реализации. Так, идея о том, что невозможно осуществить внешнее воздействие на возникновение любви, в английском языке имеет дополнительную реализацию: человек может контролировать чувство в момент его зарождения. При значимости этой общей установки для русского языка акцент делается на силовом воздействии, противопоставляются любовь и жалость. «Слепота» любви, по данным шведских паремий, присуща любви на этапе зарождения и проходит при убывании чувства, а по данным немецких паремий, это «приобретенное» качество. По данным английского языка, любовь лишь заставляет прищуриться. Установка, что влюбленный не замечает недостатков любимого, акцентирует в шведских паремиях такой недостаток, как бедность объекта любви.

Национальными можно признать такие идеи, как неожиданность возникновения влюбленности (русские паремии), оценка безответной любви (шведские), «бьет, значит, любит» (русские). Национально специфичной является группа паремий, отражающих опыт успешного ухода за объектом любви (английский язык), причины возникновения любви представлены только в шведских паремиях. То, что с любимым время летит быстро, отмечают только русские единицы.

Персонафикация любви, идея пути, движения присутствуют в паремиях всех четырех языков.

Из наличествующих в паремиях всех языков оппозиций три являются универсальными: ЛЮБОВЬ — РАЗУМ; ЛЮБОВЬ — ДЕНЬГИ и ЛЮБОВЬ — НЕНАВИСТЬ. При этом соотношение любовь — деньги однозначно только для паремий немецкого языка. В русском языке противопоставляются *любовь* и *жалость*, в английском *любовь* и *знания*.

При совпадении некоторых образов, например образа кашля во всех четырех языках, большинство образов различно. Например, то, что любовь нельзя скрыть, представлено в шведских паремиях через *образ соломы, выглядывающей из деревянных башмаков, красного носа*, в немецких — через образ ботинок, из которых торчит солома, и *образ дыма*, в русских — через *образ шила в мешке*. Недолговечность любви по принуждению подчеркивается в шведском языке сопоставлением с образами *мокрого снега*, который, как известно, быстро тает, и *искусственной красоты*, т.е. макияжа, который тоже быстро стирается. В немецком языке не используется природная реалья, но конкретизируется образ макияжа — *крашеные щеки*.

Оппозиция «любовь–разум» представлена в шведском языке через образы *господина* и *слуги*. Идея о том, что объект любви может быть любым, реализуется в шведских поговорках через образы природы и крестьянского быта: *лилии, росы, грязь, коровьей лепешки*, образы предметов традиционного быта — *пуховой перины* и *соломенного тюфяка*, а в русских — через образ хозяйственно-бытовой жизни — *козла*, а также образы из религиозной сферы жизни русского народа — *попа* и *поповой дочери*. Идея предопределенности судьбы выражается в русских поговорках с использованием слов-реалий традиционного быта — *кривые оглобли, конь*. Двойственность установки о длительности любви опирается в шведских поговорках на образ из мира природы — *розы*, рациональный подход в немецком языковом сознании подчеркивается тем, что любовь выбрасывается из «смысла», т.е. из *головы*, а в русском подчеркивается эмоциональное начало — из *сердца*. Взаимоотношение *любви* и *брака* является наиболее разработанным, в большей степени вербализованным в паремиологическом фрагменте английской языковой картины мира. При этом используются такие образные противопоставления, как *прекрасный сад — поле крапивы, цветок — фрукт*, брак расценивается как *могила* любви. Любовь и ненависть английское языковое сознание воспринимает через *образ кровных родственников*. При реализации установки о том, что влюбленный не замечает недостатков любимого человека, в русском языке используются следующие *образные* оппозиции, восходящие к фольклору и национальным зооморфным образам: *черт — ягодка, сатана — ясный сокол, свинья — перепелочка, сова — сокол*.

В рассмотренном фрагменте шведской паремиологической картины мира намечен гендерный фактор: «жертвой», игрушкой любви является обычно женщина: *Kärleken är ett stort barn, kvinnan är dess docka* (Любовь — большой ребенок, женщина — его кукла). Кроме того, подчеркивается специфика именно женского отношения к любви: *Kärlek är en kvinnas hela livsroman* (Любовь для женщины — это роман всей жизни).

Из метафор, представленных в поговорках, только одна «ЛЮБОВЬ — ОГОНЬ» находит воплощение в единицах трех языков: шведском, немецком и русском, все остальные являются национально специфичными. Для шведского языка, в частности, характерны метафоры болезни, растительная метафора и метафорическая модель, уподобляющая любовь рвущейся ткани, подчеркивающая хрупкость чувства. Только в английских поговорках встречаем такие метафоры, как ЛЮБОВЬ — ВОЙНА и ЛЮБОВЬ — ИГРА. Метафоры ЛЮБОВЬ — ЗЕРКАЛО и ЛЮБОВЬ — СТЕКЛО представлены только в поговорках русского языка.

Концептуальное представление в сравниваемых пословичных картинах мира, таким образом, опирается на народные культурно-исторические традиции, вербализация установок культуры в каждом из рассмотренных языков базируется на образах, использующих реалии традиционного быта, фольклора, религии, природы соответствующей страны, что и обуславливает национальный характер паремий, отражение в них некоторых черт менталитета народа-носителя языка.

¹ *Dundes A.* On the Structure of the Proverb // *Proverbium*. 1975. № 25. S. 38.

² *Иванова Е.В.* Пословичные картины мира. СПб., 2002. С. 4.

³ *Ström F.* *Svenskarna i sina ordspråk*. Stockholm; Bonniers, 1926.